

УДК 30 (06)
ББК 63.3
И296

ПУБЛИКУЕТСЯ на СРЕДСТВА
ИЗДАТЕЛЯ и АВТОРОВ

Издатель – Алексей КОРОБЕЙНИКОВ

Главный редактор – д.и.н., проф. Сергей БЕХТЕРЕВ

Редактор номера – к.и.н. В.С. Чураков

Редколлегия – д.ф.н., проф. Риф НАСИБУЛЛИН, д.и.н. Игорь ЖЕРЕБЦОВ, д.и.н., проф. Аркадий ТРОНИН, д.т.н., проф. Николай МИТЮКОВ, к.и.н. Владимир ЧУРАКОВ, к.и.н., доц. Сергей БЕЛЫХ, к.и.н. Дмитрий Репников, (ответственный секретарь), Алексей КОРОБЕЙНИКОВ.

Из историко-духовного наследия народов Удмуртии / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практический журнал. № 3 (28). – 2015. – 264 с.

В журнале публикуются статьи и сообщения, отражающие результаты работ в области исторической (социально-исторической, историко-политической, историко-культурной и т.д.) реконструкции, реконструкции материальной и духовной культуры, а также реконструкции языковых состояний; рецензии, книжные обзоры. Журнал предназначен для преподавателей, краеведов, историков, археологов, лингвистов, культурологов и представителей других специальностей, интересующихся вопросами историко-культурной реконструкции, аспирантов и студентов, музейных работников.

Периодичность выхода: не менее двух номеров в год.

В оформлении обложки использован фотоматериал из фондов Этнографического музея Казанского федерального университета.

Авторы опубликованных статей самостоятельно несут ответственность за достоверность представленных сведений и за выражаемые ими мнения, которые могут не совпадать с мнением редколлегии и не компрометируют наше издание.

Сайт <http://elibrary.ru/titles.asp> публикует содержание всех номеров журнала.
Интернет-магазин «Книги Удмуртии» распространяет печатную версию журнала.

ISSN 1994-5698

© Авторы
© А.В.Коробейников: оригинал-макет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наши юбиляры

- Репников Д.В., Кутявин А.Н.* Профессору В.А. Чиркину – 65 5
Русских Е.Л. К юбилею М.Г. Ивановой: Этапы межведомственного сотрудничества в археологических исследованиях городища Иднакар 1974–2010 гг. 16

Статьи

- Русских Е.Л.* Обработка цветных металлов по материалам укрепленных поселений IX–XIII вв. бассейна р. Чепцы: обзор источников 24
Камитова А.В., Пислегин Н.В., Чураков В.С. Удмуртская лексика в памятниках русской письменности XVI – начала XVIII в. (по данным топонимии) 35
Чураков В.С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» 56
Пислегин Н.В., Чураков В.С. Административно-территориальная структура Удмуртского Прикамья по данным III ревизии 64
Лигенко Н.П. К истории местного управления в Вятско-Камском регионе пореформенного периода. (По следам заочной дискуссии, состоявшейся в 2008-2009 гг. под эгидой РАН) 72
Лигенко Н.П. Роль частного предпринимательства в жизни провинциального региона XIX – начала XX в. (Из истории жизнедеятельности династии сарапульских купцов Вятской губернии Бахтияровых) 84
Казакова Н.В. Организация народных домов в дореволюционной Удмуртии начала XX в. 100
Корепанова Е.Л. Букварь Бурцова: об одном музейном экспонате 107
Касимов И.Х. «Безмолвный свидетель войны» (или о чем молчит семейная реликвия) 111
Буторин А.В. Тимофей Санников – комендор легендарного крейсера «Рюрик» 120
Назмутдинова И.К. Источники по изучению героического и трудового подвига сынов и дочерей Удмуртии на фронтах 124

УДК 902.3 (470.51)

Елена Львовна Русских,
УИИЯЛ УрО РАН, специалист
г. Ижевск

В статье представлен краткий обзор источников по проблеме цветной металлообработки укрепленных поселений Чепецкой археологической культуры IX–XIII вв. Планомерные и длительные исследования ключевых памятников бассейна р. Чепцы – городищ Иднакар, Уччакар, Гурьякар, а также ряда других поселений – представили богатые источники для реконструкции различных сторон жизнедеятельности средневекового населения, в том числе и для изучения процесса обработки цветных металлов. Систематизация и анализ полученных материалов позволит расширить и уточнить источниковедческую базу для дальнейших историко-культурных реконструкций.

ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПО МАТЕРИАЛАМ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ IX–XIII ВВ. БАСЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Бассейн р. Чепцы является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского средневековья с плотной концентрацией разнообразных памятников, который привлекает к себе внимание исследователей с конца XIX в. За прошедшее время знания о чепецких памятниках многократно возросли, результаты новейших научных разработок дали принципиально новые данные для более глубокого понимания фундаментальных проблем истории и культуры финно-угорского средневековья. В последние десятилетия большее внимание уделялось изучению укрепленных поселений, материалы которых открыли возможности к интерпретации отдельных явлений средневековья [1, с. 57], в том числе и для изучения проблемы цветной металлообработки. В результате реализации исследовательских проектов последних лет существенно пополнились источники, позволяющие конкретизировать особенности обработки цветных металлов по материалам укрепленных поселений Чепецкой археологической культуры IX–XIII вв. В настоящей статье предлагается краткий обзор основных, наиболее значимых источников, раскрывающих данную проблему.

Укрепленные поселения IX–XIII вв. бассейна р. Чепцы различаются по площади, структуре и мощности культурного слоя. Безусловно, выделяются крупные памятники площадью 20–40 тыс. кв. м. с мощной системой укреплений из двух–трех линий валов и рвов и наличием слоя между оборонительными линиями: городища Гурьякар, Иднакар, Уччакар. Материалы данных памятников представляют наибольший интерес и с точки зрения реконструкции производственной сферы, в связи с чем нами основной упор будет сделан именно на

их материалы. Городища *Весьякар, Сепычкар Малый, Маловенижский Поркар, Дондыкар, Сабанчикар, Карйыл* имеют сравнительно небольшую площадь (до 7 тыс. кв. м), укреплены одним валом и рвом и содержат культурный слой мощностью около 1 м. Содержание культурного слоя с производственными комплексами и выразительными коллекциями производственного инвентаря дает основание полагать, что они являлись аграрно-ремесленными центрами. На близких к ним по топографии городищах *Узякар, Эбсакар, Чибинькар, Зуйкакар* слой невыразителен. Эта группа могла использоваться в качестве временных убежищ [2, с. 121].

Наибольшую значимость для историко-культурных реконструкций имеют материалы **городища Иднакар IX–XIII вв.** – самого крупного и наиболее полно охваченного раскопками. Поселение располагалось на мысовой части мощной гряды, выступающей в долину слияния р. Чепцы и ее правого притока – р. Пызеп, занимая конец мыса, с напольной стороны располагались мощные валы. Городище известно по преданиям северных удмуртов, связанных с богатырским циклом. Первые научные сведения о нем содержатся в работах А.А. Спицына и Н.Г. Первухина. В 1926–1929 гг. С.Г. Матвеевым были проведены широкие раскопки. Позднее, в конце 1950 – начале 1960-х гг. В.А. Семеновым и Г.Т. Кондратьевой проводились рекогносцировочные работы. Далее планомерные комплексные исследования памятника проводились с небольшими перерывами в 1974–2010 гг.

За 35 лет исследований здесь выявлен характер слоя и сооружений на всех структурных частях, установлен принцип планировки площадок, особенности возведения укреплений. Изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, раскрыты многие аспекты материальной и духовной культуры [1, с. 58]. *Большинство материалов городища Иднакар, в том числе и характеризующих отрасль обработки цветных металлов, введены в научный оборот* и опубликованы автором раскопок М.Г. Ивановой, в связи с чем в рамках данной статьи предлагается лишь краткая характеристика источниковой базы исследуемой проблемы.

Культурный слой Иднакара насыщен разнообразными предметами, свидетельствующими о развитии обработки цветных металлов. Многочисленные обломки тиглей, льячки, литейные формы, бронзовые пластины и их обрезки, куски бронзовой проволоки и волочила, отливки бус в глиняных литейных формах, специальные заготовки бронзы, матрицы, а также сами изделия, клады бронзовых и серебряных украшений не оставляют сомнений в том, что местные мастера в достаточном совершенстве владели разнообразными приемами обработки цветных металлов [3, с. 134]. Тиглей и фрагментов от них обнаружено более 500, целых – более 30. Коллекция литейных форм составляет более 70 экземпляров и включает как каменные и глиняные формы для изготовления элементов украшений, так и формы для отливки заготовок металла, достигающие весьма крупных размеров. Впервые на Иднакаре обнаружены неразделен-

ные отливки бронзовых бусин, не изъятых из глиняных форм. Тигли и литейные формы обнаружены на всей исследованной территории, однако их концентрация значительно выше на южной части внутренней площадки, где располагались производственные сооружения по обработке черного металла и где сосредоточены находки кузнечного инвентаря. Обращают на себя внимание и немногочисленные находки льячек (6 экземпляров), найденных в верхних пластах не ранее XII в. Обрывки проволоки разной длины и диаметра, проволочные цепочки, пронизки, кольца с рядом просверленных отверстий ясно свидетельствуют о волочении проволоки.

В коллекции имеются почти все известные категории украшений и бытовых предметов – серьги, пряжки и накладки, перстни, браслеты, разнообразных подвески, шумящие украшения. В целом обзор инструментария иднакарских ювелиров и их продукции убеждает в высоком уровне обработки цветных металлов со многими технологическими операциями (литье, тиснение, штамповка, гравировка, волочение проволоки, холоднаяковка) и значительном объеме изготавливаемой продукции, обеспечивающей потребности не только городища и его окружи, но и предназначенной на экспорт [3, с. 134–144].

Близким к Иднакару по структуре и значимости источников является **Кушманское городище Уччакар**. Памятник является северо-западным форпостом Чепецкой археологической культуры и относится к числу крупнейших укрепленных поселений бассейна р. Чепцы. Городище расположено на правом берегу р. Чепцы, на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – глубокой долиной ручья Кушман, правым притоком р. Чепцы. Площадка городища имеет подтреугольную форму и ориентирована с северо-востока на юго-запад. На площадке возведены валы, прослеживающиеся до настоящего времени [4, с. 75].

Городище впервые упоминается в переписях XVII в. В 1880-х гг. памятник исследован А.А. Спицыным и Н.Г. Первухиным. В 1930 г. большие раскопки на городище произвел А.П. Смирнов. Траншеи были заложены как на основной площади памятника, так и на площади между валами. Было вскрыто 20 сооружений, идентифицированных как жилые дома, кладовые, очаги, горны, сарай, загон для скота [5, с. 93–95]. Наибольший интерес, с точки зрения исследования цветной металлообработки, из материалов раскопок А.П. Смирнова представляют отдельные сооружения и находки. Хорошо были изучены сыродутные горны, обнаруженные в разрушенном виде (нижняя часть стенок и содержимое – шлаки, уголь, крицы) и представленные двумя типами. Один (сооружение № 8) в виде правильного четырехугольника размерами 1,5 x 1,2 м., другой (№ 11) – овальной формы размерами 1 x 0,6 м. Стенки горна сложены из глины, закрепленной снаружи деревянным каркасом, остатки которого прослежены в ряде случаев. Вещевой материал представлен в основном готовыми бронзовыми изделиями – пластинами из меди и бронзы, ушками от котлов и фрагментами украшений – браслета, бляшки, проволочных колец. Наибольший интерес пред-

ставляет литейная форма для отливки бляшек, вероятно, болгарского происхождения, на что указывают элементов трилистника, спиралей, косой сетки в орнаменте и характер ее исполнения [5, с. 98–106, табл. 1, рис. 7]. Большое количество кузнечных шлаков и отходов производства, литейных форм, тиглей и следы самих кузниц и горнов говорят о местном *изготовлении вещей из металла*.

В 1959 г. Уччакар и его окрестности были обследованы Г.Т. Кондратьевой, собравшей с поверхности фрагменты керамики и открывшей расположенные рядом 3 селища. В 2007 г. А.Н. Кирилловым снят топографический план, уточнена общая площадь памятника [4, с. 75]. В 2011–2014 гг. комплексной экспедицией под руководством М.Г. Ивановой с целью получения новых знаний о планировке городища Уччакар проведены специальные исследования с применением комплексной методики малоглубинной электроразведки (И.В. Журбин). За четыре полевых сезона выявлена мощность культурного слоя на всех структурных частях, полностью изучена вся площадка городища с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), изучена структура двух линий оборонительных сооружений и выявлена не фиксируемая нынче внутренняя линия [6, с. 153]. Проведенные раскопки предоставили материалы, свидетельствующие о развитии кузнечного, *бронзолитейного*, косторезного ремесел, и дали основание полагать, что это городище являлось центром окружи с аграрно-ремесленными функциями [1, с. 62; 7, с. 117–120].

В 2011–2012 гг. раскопки проведены на *средней площадке* (раскоп I общей площадью 81 кв. м.), содержащей наиболее мощный слой (до 1,5 м.). Здесь геофизическими исследованиями определено не менее 16 сооружений, расположенных пятью нечеткими рядами, ориентированными параллельно внутреннему валу. Археологическими раскопками выявлено сооружение, центральным компонентом которого является глинобитная площадка подпрямоугольной формы [8, с. 96]. В пределах раскопа I из 13 120 индивидуально зафиксированных находок насчитывается: 3,1 % шлаков (407 фр.), 0,3 % фрагментов тиглей (39 фр.) и 1,1 % предметов из бронзы (149 ед.). Бронзовые изделия представлены фрагментами готовых украшений, а также предметами, не поддающимися идентификации, такими как пластины и различные промежуточные формы [9, с. 66–67; 10, с. 87, 90]. Несмотря на то, что зафиксированное на раскопе I сооружение интерпретировано как жилое, анализ распределения вещевого материала некоторых уровней фиксации позволяет выявить места концентрации различных групп находок, в том числе связанных и с процессом *цветной металлообработки*. В верхних, наиболее поздних пластах, в районе очага № 4, зафиксированы концентрации бронзовых изделий, скопления шлака, а также обнаружена каменная форма для отливки детали привески-колокольчика [10, с. 36–38, рис. 97].

В 2013 г. была исследована *внешняя часть* городища Уччакар (раскоп II площадью 99 кв. м.), где геофизическими измерениями выявлен культурный слой мощностью 30–40 см. и около 40 ям, достаточно равномерно распре-

ленных по всей площадке. На раскопе, заложенном за линией рва средней линии укреплений, полностью изучены конструкции двух ям различного типа и некоторых объектов, результаты подтвердили предварительные данные геофизических изысканий. Исследования методом магниторазведки позволили дополнить имевшиеся представления и дали основание полагать, что заполнение выявленных ям содержит значительное количество материалов, подвергавшихся термическому воздействию (шлак, керамика, выброс и складирование продуктов очистки очагов) [8, с. 96].

Наиболее интересными с точки зрения исследования цветной металлообработки являются два объекта, исследованных на внешней части: объект 2 – поздняя яма и зафиксированный под ней объект 2А – более раннее сооружение, представлявшее собой остатки хозяйственной ямы квадратной формы, стенки которой были обшиты досками. В заполнении объекта, наряду с невыразительными фрагментами керамики и железных предметов, довольно много находок шлаков, неопределенных фрагментов бронзы, отмечены куски обмазки, единичные фрагменты тиглей, льячка хорошей сохранности, трехсторонняя литейная форма, которые могут свидетельствовать о локализации здесь литейного дела [11, с. 37–38, рис. 83, 88–89, 91]. Интерес представляет также объект 6. Зафиксированные в непосредственной близости с ним столбовые ямки, возможно, составляют единый комплекс и представляют собой остатки наземной постройки. Внутри сооружения находилось устройство, сложенное из камней и обмазанное глиной. Характер этого устройства не ясен, оно могло иметь как отопительную функцию, так и производственную. Под устройством находилась так называемая «подпечная» яма, имевшая, вероятно, деревянное перекрытие. В заполнении объекта 6 сосредоточены невыразительные фрагменты керамики, кости, отдельные элементы железных предметов, бусин. Здесь также есть шлаки, неопределенные фрагменты бронзы, куски обмазки, единичные фрагменты тиглей, что не исключает проходившие здесь процессы литья бронзы [11, с. 41].

В пределах раскопа II из 3 444 индивидуально зафиксированных находок насчитывается 5,2 % шлаков (180 фр.), 0,6 % мелких фрагментов тиглей (24 фр.) и 3 % предметов из бронзы (104 ед.). Бронзовые изделия представлены элементами украшений и довольно многочисленными фрагментами пластин и обрезков из бронзы. Наиболее интересными предметами, с точки зрения изучения инструментария по обработке цветных металлов, являются глиняная льячка и трехсторонняя каменная литейная форма [11, рис. 83, 88–89, 91].

Для выявления характера слоя в 2013–2014 гг. работы производились на мысовой части городища. Раскоп III площадью 63 кв. м. разрезал предполагаемый ров, обнаруженный в результате геофизических измерений. По данным электроразведки, на этом участке культурный слой практически отсутствует, фиксируются котлован подпрямоугольной формы глубиной до 1 м. и несколько хаотично расположенных локальных ям малого размера [8, с. 96]. Результаты археологических работ подтвердили гипотезу о наличии рва на этой части

площадки городища. Максимально зафиксированная в раскопе глубина от уровня современной дневной поверхности – около 2–2,1 м. С западной стороны рва располагался вал. Возле западной стенки рва обнаружены остатки деревянного сооружения в виде большого скопления фрагментов бревен. После того, как это сооружение было разрушено, его заполнение высыпалось в ров, частично заполнив его. Оставшаяся часть рва была снивелирована, и на его поверхности в дальнейшем была возведена постройка (объект 2), представленная остатками золистого пятна и столбовых ям. Частично исследованы остатки жилища (объект 1) в виде мощной глинобитной площадки и расположенных вокруг нее столбовых ям. Достаточно выразительные находки инвентаря по бронзолитейному производству (2 льячки, 4 литейные формы, тигли, шлаки) могут свидетельствовать о проходивших здесь процессах литья. В пределах раскопа III из 5 040 индивидуально зафиксированных находок насчитывается 1,4 % шлаков (72 фр.), 0,8 % фрагментов тиглей (44 фр.) и 1,2 % предметов из бронзы (65 ед.). Бронзовые изделия представлены в большей степени элементами украшений. Доля пластин и обрезков крайне незначительна. Наиболее выразителен инструментарий для отливки бронзовых изделий – глиняная льячка со следами эксплуатации, 4 двусторонние каменные литейные формы, а также фрагменты тиглей с восстанавливаемой формой [11, с. 58, рис. 171, 175, 181; 12, рис. 73, 75].

Не менее крупным по площади и схожим с предыдущими памятниками является Гординское городище Гурьякар площадью 12 тыс. кв. м., укрепленное тремя оборонительными линиями. Памятник расположен в 200 м. от ЮЗ конца д. Гордино Балезинского р-на УР и занимает длинный мыс коренной береговой террасы высотой до 24 м., ограниченный длинным оврагом. Полученные при раскопках памятника источники о развитии кузнечного, бронзолитейного, косторезного ремесел позволяют полагать, что это городище являлось центром округа с аграрно-ремесленными функциями [1, с. 62]. В конце XIX в. городище исследовано Н.Г. Первухиным, давшим описание памятника, его культурного слоя, найденных вещей. Также им был отмечен факт бытования среди местного населения преданий о закрытых на городище складах. В 1957 г. городище исследовано разведочным отрядом Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.А. Семенова, выявившим, что городище укреплено тремя валами. По находкам (было заложено 2 шурфа) городище датировано им временем Чепецкой культуры [13, с. 3].

В 1979 г. городище исследовано отрядом Удмуртской археологической экспедиции Научно-исследовательского института при Совете министров УАССР под руководством М.Г. Ивановой. На мысовой части площадки был заложен раскоп площадью 288 кв. м.: выявлен культурный слой мощностью 1–1,7 м., вскрыто 5 сооружений, предположительно жилого назначения, собрана большая коллекция вещевого материала, включающая различные орудия труда, изделия из кости, украшения, керамику и кости животных. Отдельные объекты в виде мощных площадок прокаленной глины с прослойками золы, пятнами до-

платога настила и ямами, вскрытыми в 1979 г., позволили М.Г. Ивановой предполагать их *производственное назначение*. Так, например, в углистом заполнении *ямы 3*, расположенной в пределах сооружения 5, найдены спекшиеся железные пруты, тигель, 4 серебряных гривны, сложенных вместе, шумящая подвеска. Очевидно, яма имела производственное назначение и предшествовала сооружению 5 [13, с. 6–11]. В заполнении *ямы 6*, расположенной в пределах сооружения 2, отмечено большое содержание золы, обнаружен миниатюрный тигель конической формы, бронзовый пластинчатый браслет, тяжелый бесформенный слиток бронзы. Рядом с ямой вскрыто небольшая площадка прокала. В пределах *ямы 5*, относящейся к сооружению 3, обнаружен маленький тигель без стекловидного налета. Рядом с ямой найден клад из 9 гривен глазовского типа, датированный IX–X вв. Совершенно новые украшения с еще не стершейся нарезкой были сложены вместе, завернуты в бересту и закопаны, таким образом, скорее всего, они были приготовлены для сбыта [14, с. 14–15, рис. 58–60, 76].

Вскрытые на мысовой части сооружения интерпретированы М.Г. Ивановой в большей степени жилыми, но найденный здесь большой ассортимент кузнечных и ювелирных орудий не позволил утверждать это однозначно. Тигли, шлаки, молот-кувалда, наковальня, долото, клады гривен могут свидетельствовать о *производственном характере* сооружений или о принадлежности их к категории жилищ *кузнецов-ювелиров*. Примечательно и то, что найденные гривны до сих пор находили случайно в составе кладов или захоронениях. На городище и в таком количестве они найдены впервые. По-видимому, на Гурьякаре эти украшения изготавливались. Кроме того, были найдены другие бронзовые украшения. Обнаруженные в ямах 5 и 6 тигли конусовидной формы представлены 4 целыми экземплярами и 12 фрагментами. Из них 2 тигля – крупные ошлакованные, два других – малые, с небольшими вытянутыми носиками для слива металла и оплавленной поверхностью без стекловидного налета. Интерес представляет также несколько изогнутый прут длиной 22,5 см, подтреугольного сечения, являвшийся, по-видимому, сырьем для отливки бронзовых украшений [13, с. 14–17].

Обращают на себя внимание уникальные находки тиглей и другого инструментария по обработке цветных металлов **городища Восьякар IX–XII вв.** Поселение расположено в 400 м. к ЮЗ от д. Восьякар Глазовского р-на УР и в 2 км к ССВ от р. Чепцы. Культурные напластования на городище неравномерны и колеблются на различных участках от 0,15 до 1,8 м.

Впервые памятник был обследован Н.Г. Первухиным в конце XIX в. В 1957–1958 гг. на городище проводились раскопки Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга и В.А. Семенова. Раскоп был заложен у северного края площадки городища. В первый год раскопок было исследовано 54 кв. м.: удалось вскрыть часть жилого дома, производственные объекты и получить большую коллекцию вещевого материала. В 1958 г. раскоп был расширен на 252 кв. м. Материалы исследований 1958 г. позволили уточ-

нить размеры и характер жилых сооружений, выявить новые производственные сооружения, существенно пополнить коллекцию вещевого материала. Сооружений, напрямую связанных с обработкой цветных металлов, на городище не изучено. Имеются косвенные свидетельства в виде находок инструментария литейщиков, изделий из бронзы, ям хозяйственного и производственного назначения, а также развалов горнов, интерпретированных В.А. Семеновым как кузнечные. Горны имели основание в виде глиняной подушки и песчанников плит, стенки, сложенные из крупного галечника, закрепленного глиняным раствором, а также и устье для поддува. В пределах горнов в основном зафиксированы шлаки с большим содержанием железа, железные предметы и единичные обломки тиглей [15, с. 48–59].

Вещевой материал, полученный на памятнике, многочисленный и разнообразный. Он представлен орудиями труда, оружием, бытовыми предметами, украшениями. Особого внимания заслуживает железная льячка, поскольку все обнаруженные до сих пор экземпляры изготовлены из глины или камня. Обнаружено 8 литейных форм из известняка. Одна из них – для отливки медных заготовок-стержней из мелкозернистого песчаника. Формы двусторонние с изложницами обычных местных украшений. Тигли (11 экз.) обычных полуяцевидных форм, но среди них два с подставками – кубковидные диаметром 4 и 6 см. Заслуживает внимания тигель-ванночка размерами 6 x 5 см и высотой 4 см. Украшения немногочисленны, это браслеты, кольцо, подвеска, обломок гривны [15, с. 59–63, рис. 9, 13–14].

Еще одним памятником, материалы которого свидетельствуют об обработке цветных металлов, является **Маловенижское городище Поркар IX–XII вв.** Поселение занимает один из мысов правой береговой террасы р. Убыти, левого притока р. Чепцы. Оно расположено в 1,5 км. к ЮЗ от д. Малый Вениж Юкаменского района УР, в 400 м. к С от р. Убыти. Общая площадь составляет 3850 кв. м. Площадка отделена от напольной стороны вала и рвом. Культурные напластования, особенно отложения нижних горизонтов, прослеживаются лишь у восточного и южного склонов [16, с. 27–28].

Впервые городище обнаружено и исследовано в конце XIX в. А.А. Спицыным и датировано им X–XII вв. Несколько позднее памятник обследовал Н.Г. Первухин, составивший план и подробное описание поселения. В 1970–1971 гг. на городище проводились раскопки под руководством В.А. Семенова. В 1970 г. на городище заложено два раскопа. Раскоп 1 площадью 162 кв. м. располагался вдоль восточного склона от подошвы вала, а 2-й площадью 90 кв. м. – у южного склона. В 1971 г. на раскопе 1 было вскрыто еще 171 кв. м. Всего за 1970–1971 гг. на поселении проведены исследования на площади 423 кв. м. Обращают на себя внимание отдельные объекты, исследованные В.А. Семеновым. У восточного склона наиболее интересным представляется крупное сооружение II горизонта, основу которого составляет обширная вымостка из красной глины с сильным прокалом насыпи. В центре площадки было

возведено бревенчатое наземное сооружение. Близ СВ угла располагался очаг-горн из известняковых и песчаниковых плит и крупного галечника, возведенный на дополнительной глиняной подушке округлых очертаний. Почти все камни несли на себе следы длительного воздействия огня. Внутри очага-горна зафиксированы фрагменты шлака, железа, прокаленная керамика. Помимо описанных объектов, в пределах сооружения зафиксирована хозяйственная яма. По мнению В.А. Семенова, исследованное помещение сначала использовалось как жилище, а затем было превращено в *мастерскую*. Вероятно, с последним назначением постройки связаны найденные здесь шлаки, куски железа, крицы, заготовки литейных форм, обломки тиглей, костяная и роговая стружка, заготовки костяных и роговых изделий. У южного склона площадки городища не было обнаружено никаких объектов, кроме развала трех однотипных железоделательных горнов. Все горны в основе своей имели глиняные подушки овальной формы, вытянутые с запада на восток. Стенки горнов сооружались из песчаниковых плит и крупного галечника, связывавшихся глиняным раствором. Близ горнов обнаружены шлаки и обломки тиглей [16, с. 27–43, рис. 5].

Вещевой комплекс городища относительно малочисленный. Представлен он преимущественно изделиями из железа, кости, камня и керамики. О развитом металлургическом производстве у местного населения свидетельствуют находки горнов, 50 крупных кусков шлака со значительным содержанием в них железа, 20 криц. Об обработке цветных металлов косвенно свидетельствуют находки обломков тиглей, в ряде случаев со следами меди на поверхности, а также изделий из бронзы (обломки медных котлов, фрагменты шумящих подвесок и других украшений [16, с. 43–45, рис. 7].

Таким образом, городища Чепецкой археологической культуры IX–XIII вв. содержат значительные источники для реконструкции производственной сферы, в частности обработки цветных металлов. Прежде всего, это вещевой материал: инструменты и приспособления, как универсальные, так и специальные ювелирные (тигли, льячки, литейные формы, матрицы, волочила, молотки, наковальни); остатки сырья – заготовки (слитки металла, пластины, обрезки, фрагменты проволоки) и шлаки; ассортимент изделий из цветного металла (в том числе и бракованных, и незаконченных), а также археологически зафиксированные производственные зоны. Некоторая часть источников, безусловно, опубликована авторами раскопок памятников, часть материалов (исследования городища Уччакар) впервые введена в научный оборот в рамках данной работы. С целью формирования наиболее целостного представления об информационном потенциале исследуемой проблемы автором настоящей статьи проанализирован количественный и качественный состав источников по обработке цветных металлов наиболее исследованных средневековых укрепленных поселений бассейна р. Чепцы. Разработка данной проблемы в перспективе позволит охватить широкий круг проблем, включающих как непосредственно технико-технологические аспекты ремесленного производства, так и вопросы культурно-исторических контактов населения бассейна р. Чепцы в контексте производственных традиций Восточной Европы.

турно-исторических контактов населения бассейна р. Чепцы в контексте производственных традиций Восточной Европы.

Источники и литература¹

1. *Иванова М.Г.* Укрепленные поселения бассейна р. Чепцы: основные итоги исследований последних лет // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX: 900 лет имени «Пермь»: от имени летописи до губернского центра: сб. науч. тр. Пермь, 2014. С. 57–64.
2. *Иванова М.Г.* Средневековые памятники бассейна реки Чепцы: основные итоги и перспективы исследований // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2013. С. 120–127.
3. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: - Ижевск, 1998. 294 с.
4. *Иванова М.Г., Кириллов А.Н.* Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2013. С. 75–79.
5. *Иванова М.Г.* Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 93–106.
6. *Журбин И.В.* Комплексные естественно-научные исследования Кушманского городища: методы, методика и предварительные результаты // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2013. С. 152–156.
7. *Русских Е.Л.* Производственный инвентарь по обработке цветных металлов Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2013. С. 117–120.
8. *Журбин И.В.* Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: основные итоги комплексных геофизических исследований // Переходные этапы в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с ме-

¹ Примечание издателя: для того, чтобы заинтересованный читатель получил всестороннее представление о степени изученности городища Иднакар с привлечением методов точных наук, информируем о существовании нашей монографии: *Коробейников А.В.* Новый Иднакар: очерк историко-культурной реконструкции городища. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2006. – 246 с. ISBN 5-93972-579-1 Режим доступа (проверено 13 декабря 2015 г.): <http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=Zna5Z6zl8m0C>

ждународным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 95–97.

9. *Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Уччакар в Ярском районе Удмуртской Республики в 2011 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1600. 284 л.

10. *Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Уччакар в Ярском районе Удмуртской Республики в 2012 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1630. 304 л.

11. *Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Уччакар в Ярском районе Удмуртской Республики в 2013 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1642. 420 л.

12. *Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Уччакар в Ярском районе Удмуртской Республики в 2014 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1655. 193 л.

13. *Иванова М.Г.* Городище Гурьякар. Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 3–26.

14. *Иванова М.Г.* Отчет о раскопках городища Гурьякар и Подборновского могильника в Базезинском районе УАССР в 1979 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 700. 127 л.

15. *Семенов В.А.* Городище Весьякар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 48–77.

16. *Семенов В.А.* Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 27–51.

УДК 811.511.131

Алевтина Васильевна Камитова, к.фил.н.
Николай Викторович Пислегин, к.и.н.
Владимир Сергеевич Чураков, к.и.н.
УИИЯЛ УрО РАН
г. Ижевск

На основе письменных источников XVI – первой четверти XVIII в., составленных на русском языке и содержащих включение удмуртской лексики, предполагается создание максимально полного комментированного списка удмуртских слов (основ), отражающих соответствующий этап развития удмуртского языка. В предлагаемой статье приводится список удмуртских основ, отразившихся в составе топонимов, зафиксированных в грамотах XVI в. и реписях XVII – начала XVIII в.

УДМУРТСКАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – НАЧАЛА XVIII В. (по данным топонимии)¹

В языкознании важное значение придается выявлению наиболее ранних письменных свидетельств, позволяющих охарактеризовать состояние изучаемого языка в соответствующий хронологический период. Особенно это актуально для младописьменных языков и языков с непродолжительной письменной традицией. К числу последних относится и удмуртский язык, целенаправленное описание которого начинается лишь со второй четверти XVIII в., а формирование его относительно устойчивой письменной традиции приходится на середину – вторую половину XIX в. В таких условиях обращение к письменным источникам на языках соседних народов остается практически единственным способом выявления и фиксации удмуртского лексического материала, относящегося к более ранним хронологическим этапам. В силу особенностей развития региона (гибель архивов Булгарского и Казанского государств, подданными которых являлись удмурты [1]) первое место по количеству и разнообразию представленных в текстах образцов удмуртской лексики занимают памятники письменности, составленные на русском языке в XVI – первой четверти XVIII в. Системное и планомерное обращение к различным документам этого периода даст возможность свести в единую комментированную базу данных разнообразные пласты удмуртской лексики (антропонимы, генонимы, топонимы и т. п.), что позволит более подробно осветить отдельные аспекты в области исторической

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-04-00086а «Удмуртская лексика в памятниках русской письменности XVI – первой четверти XVIII в.».